

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Егор Лазарев

Коррупция
и политическая
нестабильность:
институциональная
перспектива

Препринт М-16/10

Центр исследований
модернизации

Санкт-Петербург
2010

УДК 328.185(1-773)

ББК 66.3(0)6

Л 17

Лазарев Е. А.

Л 17 Коррупция и политическая нестабильность: институциональная перспектива / Егор Лазарев : Препринт М-16/10. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. — 28 с. — (Серия препринтов; М-16/10; Центр исследований модернизации).

Работа посвящена исследованию взаимного влияния коррупции и политической нестабильности в так называемых развивающихся странах. Увеличивает ли коррупция политическую нестабильность или политическая нестабильность ведет к повышению уровня коррупции? Методологическое богатство неинституционализма и последние достижения политической экономики позволяют по-новому взглянуть на проблему. Коррупция рассматривается в исследовании как политический институт — «правила игры», рождающиеся из динамики политического процесса. Главная гипотеза исследования состоит в том, что между коррупцией и политической нестабильностью существует нелинейная связь: чем выше уровень нестабильности, тем выше уровень коррупции, однако очень высокий уровень стабильности также ведет к распространению коррупции. В работе предлагается теоретическое обоснование гипотезы и ее эмпирическая проверка.

Автор выражает благодарность всем участникам Московского семинара по институциональному анализу Института Рональда Коуза, проходившего со 2 по 8 мая 2010 года в ГУ-ВШЭ, за ценные замечания и помощь в разработке исследовательского проекта.

Информация об авторе: Лазарев Егор Александрович — студент факультета политологии Санкт-Петербургского Государственного Университета egor-lazarev@mail.ru

© Егор Лазарев, 2010

Введение

В последнее время в политических исследованиях хорошим тоном стало предварять объяснение теоретических построений или представление результатов эмпирических расчетов живыми яркими примерами. В процессе подготовки данной работы мне повезло, и я могу продемонстрировать сразу два случая, прекрасно иллюстрирующих общую логику моего исследования.

В начале 2010 года в мире разгорелся громкий коррупционный скандал. Немецкий автоконцерн *Daimler*, производящий автомобили *Mercedes*, был обвинен в нарушении антикоррупционных законов США. Компании вменялась дача взяток должностным лицам в 22 странах, в том числе России, Турции, Египте, Китае, Нигерии, Ираке, на протяжении более чем 10 лет. В России в получении взяток оказались замешаны Гараж особого назначения Федеральной службы охраны, Министерство обороны и МВД, которое по идее с коррупцией должно бороться. Однако, несмотря на громкое дело и наличие большого количества фактов, доказывающих преступления должностных лиц, российские власти, не первый год заявляющие о борьбе с коррупцией как своем приоритете, никак не отреагировали на расследование Министерства юстиции США. Кирилл Рогов, обозреватель журнала «Русский Newsweek», доходчиво объяснил, почему.

Дело в том, что борьба с коррупцией у нас — дело государственного значения. То есть тот, кто с коррупцией борется, тот фактически у нас и правит. Ибо именно право высшего начальства определять, кто коррупционер, а кто нет, составляет основу его, высшего начальства, политической власти. Именно эта магическая считалочка: «Эники-беники ели вареники, каждый съел на свой размер, будешь ты коррупци-о-...» — приводит в трепет и повиновение всю необъятную российскую бюрократическую вертикаль. Именно она позволяет убирать ненужных людей с постов и ставить на их место нужных, назначать результаты «Единой России», руководить решениями судов и мнениями парламентариев. На ней все держится. Она и есть наш суверенитет.

Еще одной иллюстрацией того, о чем далее пойдет речь, стали апрельские события в Киргизии, также получившие международный резонанс. 7 апреля 2010 года, на волне антиправительственных выступлений, в стране произошла очередная революция. После кровопролитных столкновений между оппозицией и силовыми структурами президент Курманбек Бакиев был свергнут, и власть в стране перешла к переходному правительству. Причинами волнений, вылившихся в государственный переворот, стали резкое падение уровня жизни населения, вызванное, в частности, ростом цен на свет и тепло, а также раскол внутри правящей элиты и нарастание авторитарных тенденций в правлении президента Курманбека Бакиева. Бакиев, пришедший к власти в результате так называемой Тюльпановой революции в марте 2005 года, которая была спровоцирована потоком обвинений в адрес президента Аскара Акаева в коррупции и клановости, превзошел своего предшественника по всем показателям. Спустя некоторое время в стране была установлена «диктатура коррупции»: взятки, откаты, кумовство, назначение на ключевые государственные посты родственников и друзей президента, установление семьей президента контроля над всеми доходными отраслями экономики, «покупка голосов», фальсификации на выборах и т. д. и т. п. стали основой режима Бакиева. Правительство использовало коррупцию как средство удержания власти, покупая лояльность тех, кто от нее выигрывал. Однако такая стратегия привела к краху.

Почему это произошло? Возможный вариант ответа заключается в структуре политической элиты Кыргызстана. Политическая элита, как и вся страна, разделена на представителей севера и юга, и поддерживать баланс между интересами различных кланов достаточно сложно. Бакиев, выходец с юга, опирался на южные кланы — они получили все основные государственные посты и соответственно контроль над коррупционными потоками. Интересы северных кланов из-за относительного дефицита ресурсов режим удовлетворять не мог. Поэтому можно предположить, что политическая нестабильность, приведшая к падению режима Бакиева, была вызвана не только массовым недовольством бедностью и коррупцией, но и исключением из процесса распределения коррупционных доходов значимой части политической элиты.

Эти два примера наглядно показывают политическое значение коррупции и ее противоречивую связь со стабильностью режимов. Изучая роль коррупции в процессе трансформаций политических режимов на постсоветском пространстве, я пришел к выводу, что коррупция может функционировать как политический институт — арена взаимодействия для неформального обмена ресурсами между различными группами элит (Лазарев, 2010).

В данной работе проводится анализ взаимного влияния коррупции и политической нестабильности. Увеличивает ли коррупция политическую нестабильность или политическая нестабильность способствует повышению уровня коррупции? В более широком плане настоящее исследование является попыткой дать ответ на фундаментальную проблему изучения политики, поднятую Б. Буэно де Мескита и его коллегами (Bueno de Mesquita et al., 2003): почему коррумпированные лидеры, проводящие неэффективные государственные курсы, могут сохранять свою власть очень долго? Логика политического выживания показывает, что в некоторых случаях плохое управление (policy) может быть хорошей политикой (politics). Я полагаю, что изучение коррупции как инструмента в борьбе за политическое выживание имеет очень большой познавательный потенциал. Несмотря на то, что некоторые авторы рассматривали коррупцию в таком ключе (Bueno de Mesquita et al., 2003; Acemoglu et al., 2004), абсолютное большинство работ по стратегии удержания власти посвящены роли либо налогообложения, либо правительственных расходов. На мой взгляд, коррупция является более наглядным и очевидным материалом для изучения стратегий политического выживания в «слабых» государствах.

В общем виде коррупция — это злоупотребление государственной властью ради частной выгоды. Коррупция включает в себя не только взятки и откаты, но и практики более высокого уровня: «захват государства» — установление влияния групп интересов на формирование государственной политики — и «захват бизнеса» — установление неформального контроля государства над различными секторами экономики на основе прямого административного вмешательства или использования слабости обеспечения прав собственности. В данном исследовании коррупция рассматривается как политический институт — устойчивый тип политического поведения, выражающийся в определенной системе коллективных действий. Коррупция как политический институт задает «правила игры» для властных элит, определяет рамки взаимодействия государства и групп интересов. Коррупцию можно представить как «институциональную ловушку» — неэффективное равновесие, при котором актерам не выгодно менять свои стратегии в рамках тех средств, которыми они располагают.

В свою очередь, политическая нестабильность является отражением динамики политического процесса. Как показал С. Хантингтон (Huntington, 1968), стабильность является ключевой, наиболее важной характеристикой для политических систем в модернизирующихся странах, поскольку определяет степень управляемости социальных процессов. Нестабильность выражается в высокой вероятности смены правительства или даже политического строя с помощью неконституционных средств, таких как революции и государственные перевороты, а также в проявлениях политического

насилия — от гражданской войны до терроризма. В институциональной перспективе нестабильность представляет собой экзогенный шок для политической системы.

Моя основная гипотеза состоит в том, что между коррупцией и политической нестабильностью существует нелинейная связь. Чем выше уровень политической нестабильности, тем выше уровень коррупции в стране. Однако очень высокий уровень стабильности в «слабых государствах» также ведет к повышению коррупции, поскольку снижает издержки для извлечения ренты из политического процесса. Под «слабым» я подразумеваю государство с низким уровнем административного потенциала, отсутствием верховенства закона и незащищенностью прав собственности.

Я выдвигаю тезис, что политическая нестабильность и коррупция являются побочными эффектами проблемы координации внутри политической элиты. Более того, коррупция используется правящей группой как стабилизирующий механизм в условиях значительной политической неопределенности и угрозы политического насилия. Таким образом, логика политического процесса в «слабых» государствах определяет сложную каузальную связь коррупции и политической нестабильности. С одной стороны, коррупция снижает уровень легитимности политического режима, однако, с другой стороны, позволяет правящей группе снижать трансакционные издержки, контролировать бюрократию и с помощью стратегии «разделяй и властвуй» покупать лояльность значимых в политическом отношении социальных групп.

Научный контекст

По проблемам коррупции и политической стабильности написано неслучайное количество книг и статей. Я остановлюсь только на наиболее важных работах, задающих научный контекст проблемы.

В 1968 году вышла в свет книга С. Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах», заложившая основы изучения как политической стабильности, так и политической роли коррупции в модернизирующихся государствах. Хантингтон подчеркивал, что наиболее важным является разделение государств по уровню их управляемости, которая обусловлена соотношением уровней социальной мобилизации и политической институционализации. Разрыв между ними, вызванный процессами модернизации, ведет к политической нестабильности. Хантингтон также выдвинул популярную идею о том, что в модернизирующихся обществах коррупция выполняет важные экономические, социальные и политические функции и не всегда является негативным феноменом. По словам Хантингтона, мо-

дернизация «вскармливает» коррупцию, которая, в свою очередь, позволяет преодолевать жесткость политической и социальной организации общества, является «маслом, позволяющим колесам экономики двигаться быстрее».

Оппонентом Хантингтона по вопросу влияния коррупции выступил известный экономист Г. Мюрдаль, показавший на материале восточноазиатских стран негативное влияние коррупции на экономическое и политическое развитие (Myrdal, 1968). Мюрдаль подчеркивал, что именно коррупция лежит в основе порочного круга нищеты в развивающихся странах.

Заочный спор двух ученых спровоцировал бурный интерес к проблемам коррупции и появление многочисленных теоретических и эмпирических исследований. Наиболее ценную модель коррупции в контексте данного исследования предложили А. Шлейфер и Р. Вишни (Shleifer, Vishny, 1993). В своей знаменитой статье «Коррупция» исследователи показали, что слабые, неустойчивые правительства более подвержены коррупции, которая, в свою очередь, негативно влияет на показатели экономического роста. П. Мауро (Mauro, 1995) раскрыл эту тему более детально, показав, что коррупция негативно влияет на экономический рост через снижение инвестиционной привлекательности. Мауро рассматривал коррупцию как институциональный фактор; кроме того, он поднял проблему связи между политической стабильностью и эффективностью управления.

Традицию политэкономических исследований коррупции заложила работа С. Роуз-Аккерман (**Rose-Ackerman, 1978**), **построенная на основе модели принципал-агент**. Р. Клитгаард (Klitgaard, 1988) представил наиболее авторитетную работу по проблеме борьбы с коррупцией. На сегодняшний день исследователям очевидно, что для эффективной борьбы с коррупцией необходимо определить факторы, ее обуславливающие. В данном свете большое значение имеют работы В. Танци (см.: Tanzi, 2002), в которых на большом объеме эмпирических данных проверяются гипотезы относительно влияния различных факторов на уровень коррупции. Наиболее значимым фактором Танци считает уровень государственного вмешательства в экономику, уточняя, что решающее значение имеют регулирование, налогообложение, государственные расходы, качество бюрократии и уровень институционального контроля.

Д. Трейсман (Treisman, 2000) провел систематическое эмпирическое исследование факторов коррупции по всем странам. К наиболее значимым факторам он отнес уровень экономического развития, протестантизм, политическую децентрализацию, уровень либерализации внешней торговли, природные ресурсы, традиции демократического правления. На основе тестирования серии регрессионных моделей Трейсман пришел к выводу, что политическая стабильность не оказывает серьезного, то есть статистически значимого, влияния на уровень коррупции. Однако ни одна из его моделей

не была в состоянии объяснить уровни коррупции в ряде стран, и, прежде всего, в Италии, Индонезии, Мексике, Египте, Таиланде, Гаити, Заире.

Проблемы с объяснением ряда интересных случаев, а также последние достижения в области изучения процессов политического развития определяют потребность в дальнейших исследованиях. Так, Д. Асемоглу с соавторами (Acemoglu et al., 2004) открыли новую страницу в исследовании соотношения коррупции и политического процесса, показав посредством формального моделирования, что клептократические режимы, то есть режимы личной власти, ориентированные на извлечение прибыли из своего правления, могут оставаться у власти, покупая лояльность своих возможных оппонентов. Исследования Асемоглу и его коллег заложили фундамент для формирования нового направления на стыке экономики и политической науки, которая получила название «политическая экономика».

«Иконостас» политической экономики составляют работы по государственному строительству и функционированию государства М. Олсона (Olson, 1982, 1993, 2000), исследование природы диктатуры Р. Уинтроба (Wintrobe, 1998), «энциклопедия» изучения политических феноменов с помощью инструментов экономики Т. Перссона и Г. Табеллини (Persson, Tabellini, 2000), работа Б. Буэно де Мескита и его коллег (Bueno de Mesquita et al., 2003), посвященная логике политического выживания, а также исследование политических трансформаций Д. Асемоглу и Дж. Робинсона (Acemoglu, Robinson, 2006). В своем исследовании я использую стандартное предположение политической экономики о том, что политики ведут себя оппортунистически, то есть они пекутся, прежде всего, о своем положении и ренте, которую можно с него получить. Политическая нестабильность отражает вероятность сохранения политического положения, а коррупция является наиболее очевидным примером поиска политической ренты, или «хищнической политики государства». Однако политика не существует в вакууме, поэтому далее коррупция и стабильность будут представлены в их институциональной «обертке».

Теоретические рамки

Теории неэффективных институтов

С тех пор как большинство исследователей согласились с утверждением, что «институты имеют значение» (Knack, Keefer, 1995), изучение влияния институциональных эффектов на экономическое и политическое развитие стало доминирующим направлением в политической экономике. Данное исследование направлено на изучение взаимного влияния корруп-

ции и политической нестабильности в контексте теории неэффективных институтов.

Существует три основных подхода к объяснению институционального развития. Экономисты рассматривают институты как отражение экономического развития, то есть институты появляются, когда выгоды от их внедрения превышают транзакционные издержки (North, 1981). В рамках концепций, ориентированных на культуру, институты рассматриваются как отражение традиций, установок и ценностей социальных групп или нации в целом (Putnam, 1993). **Политическая теория понимает институты как установления тех, кто контролирует политическую власть, для максимизации личных ресурсов и повышения вероятности собственного политического выживания (Olson, 1993).**¹

Р. Ла Порта с соавторами (La Porta et al., 1999) суммировали достижения основных направлений и провели комплексное эмпирическое исследование, направленное на выявление того, какие институты определяют качество управления. Основными факторами были названы уровень экономического развития, юридическая система и религиозная традиция. Несмотря на то что эти факторы явно играют весьма значимую роль, они не охватывают динамику политического процесса, которая во многом определяет направление и интенсивность институциональных изменений.

Д. Асемоглу, раскрывая недостатки экономического и культурного подхода к объяснению возникновения и функционирования институтов, предложил логически стройную теорию влияния политического процесса на институты (Acemoglu, 2003). Он показал, что неэффективные институты устанавливаются в интересах тех, кто контролирует политическую власть, для максимизации собственной полезности. Таким образом, институциональный выбор и устойчивость институтов определяются политическим конфликтом между элитой или, более точно, правящей группировкой и всем остальным обществом. Альтернативная теория, которую Асемоглу называет «Политической теоремой Коуза», предполагает, что, независимо от того, кто контролирует политическую власть, в обществе будут возникать наиболее эффективные институты. Культурная модификация этой теории говорит о том, что различные институты в разных государствах отражают разные системы ценностей населения. Асемоглу на простом примере сравнения Гонконга и Индонезии показывает, что обе теории несостоятельны, поскольку трудно поверить, что коррупция и административное вмешательство в экономику являются отражением ценностей жителей Индонезии. Таким об-

---

¹ Я упоминаю только по одной, самой яркой, работе, представляющей каждый из трех подходов. На самом деле, по каждому из них можно собрать библиотеку. Норт, например, внес вклад в развитие всех трех направлений.

разом, приходится признать, что в отсутствие сильных формальных институтов «Коуза» вытесняет «Макиавелли», то есть политика начинает играть решающую роль.

Когда формальные институты слабы, они вытесняются институтами неформальными. Коррупция является одним из наиболее значимых неформальных институтов, конкурирующих и вытесняющих формальные институты.

Во многих странах коррупция в течение продолжительного времени была и остается важнейшим социальным и экономическим институтом. П. Мауро (Mauro, 2004) объяснял устойчивость коррупции тем, что индивиды не имеют стимулов бороться с ней, даже если все от этого выиграют. Таким образом, коррупция формирует «институциональную ловушку» — неэффективное равновесие, при котором никто не имеет стимулов для изменения своего поведения. Мауро показал, что коррупция и политическая нестабильность являются двумя сторонами одной медали и иллюстрируют взаимное усиление разных аспектов институциональной неэффективности.

Политический рынок неэффективных институтов: неопределенность и качество управления

Для развития теории неэффективных институтов необходимо, на мой взгляд, включить в рассмотрение политического рынка асимметрию информации. Представляется, что для анализа политического процесса в «слабых государствах» значительным объяснительным потенциалом обладает так называемый принцип рынка «лимонов», изложенный Дж. Акерлофом (Akerlof, 1970). В Америке «лимонами» называют подержанные автомобили в плохом состоянии. Природа рынка, на котором торгуют подержанными машинами, заключается в том, что продавцы стремятся продать «лимон», а покупатели ожидают его получить. В результате продавцы, торгующие «хорошими машинами», вынуждены уходить с рынка. Отсутствие объективной информации ведет к неопределенности, которая, в свою очередь, ведет к неэффективности. В политическом процессе в «слабых» государствах воспроизводится та же логика. Незащищенность прав собственности и произвольное правоприменение способствуют поддержанию высокого уровня неопределенности. Отсутствие свободы СМИ и низкий уровень подотчетности политиков и бюрократов усугубляют ситуацию. В результате правящая группа и остальная часть населения остаются в неведении относительно поведения и стратегий друг друга. Как следствие, либо из-за страха быть свергнутыми, либо, наоборот, из-за чувства абсолютной стабильности и неоспоримости своих позиций, правители склонны выбирать в пользу коррумпированного поведения и неэффективного государственного управ-

ления, а граждане либо склонны восставать против своего правительства, либо входят в апатию и не участвуют в политическом процессе. Таким образом, коррумпированная система может быть либо очень стабильной, либо крайне нестабильной. Однако в обоих случаях в результате, по аналогии с рынком «лимонов», «хорошие продавцы» уходят, а сам рынок, в политике выражающийся в конкуренции, сокращается.

Категория «неопределенность» была введена в политическую науку еще Э. Даунсом (Downs, 1957), однако наибольшее применение она получила в рамках транзитологической парадигмы (Shmitter, O'Donnell, 1986). В большинстве работ неопределенность понимается как структурная характеристика политического процесса. Так, классическое определение демократии А. Пшеворски (Przeworski, 1991) заключается в неопределенности результатов политического процесса при определенности формальных «правил игры». В авторитарных режимах результаты голосования определены, а вот процедуры остаются на усмотрение тех, кто контролирует власть. Однако это не решает проблему асимметрии информации.

Принцип неблагоприятного отбора, вытекающий из асимметрии информации, наиболее полно проявляется именно в недемократических режимах. Правителям приходится искать каналы получения информации, поэтому даже авторитарные лидеры могут допускать свободную прессу (Egorov et al., 2009) или многопартийность.

Акерлоф показал, что для преодоления эффектов неблагоприятного отбора на рынках используются разнообразные средства противодействия: лицензии, гарантии, брэнды. Как представляется, в политике эту роль могут играть политические партии. Принадлежность к партии может помочь определению качества «политического продукта». При этом очевидно, что однопартийная система не может решить функцию снижения асимметрии информации. Таким образом, можно согласиться с Хантингтоном, что «стабильность модернизирующихся политических систем зависит от силы их политических партий» (Huntington, 1968: 408). Кроме того, значительную роль для снижения асимметрии информации в политическом процессе играет уровень межличностного и институционального доверия в обществе, что подтверждают исследования Патнэма (Putnam, 1993) и других авторов.

Вопрос, как коррупция может использоваться для сокращения политической нестабильности, вытекающей из асимметрии информации, требует более детального разбора.

Коррупция как стратегия правящих групп

Для понимания природы политического процесса в «слабых государствах» наиболее продуктивной является концепция М. Олсона (Olson, 1993),

основанная на объяснении различий между «кочующим» и «оседлым» бандитом. «Кочующий бандит» в состоянии анархии, то есть крайней неопределенности, просто грабит население. Бандит «оседлый» понимая преимущества стабильности, основывает монополию на насилие на определенной территории и извлекает прибыль из нее, предоставляя своим «подданным» определенный уровень защиты, повышающий стабильность. Однако, как было показано Олсоном, если «оседлый бандит» чувствует угрозу своей монополии, его временной горизонт сокращается, и он начинает вести себя «хищнически», так же как «кочующий бандит». Таким образом, уровень неопределенности — это основной фактор выбора стратегии доминирующим актором. Коррупция является наглядным выражением стратегии «хищнической политики», однако существуют и более сложные формы — такие как налогообложение и регулирование.

Теоретической основой объяснения коррупции как последствия политического процесса является работа А. Шлейфера и Р. Вишни (Shleifer, Vishny, 1993). Они выделили три основные модели бюрократической организации: 1) монополистическую систему, 2) систему независимых монополий и 3) конкурентную систему. Последняя модель соотносится скорее с лоббистской политикой групп интересов в развитых демократиях, а первые две определяют два основных сценария функционирования института коррупции в зависимости от уровня политической стабильности. Монополистическая коррупционная структура воспроизводится в странах, где политическая элита способна контролировать бюрократию, то есть в случае безраздельного господства «оседлого бандита». Лучшим примером здесь может служить СССР, где партия и КГБ устанавливали рамки на коррупционный рынок, который между тем был весьма значительным. Система конкурирующих монополий возникает, когда государство не способно поддерживать политический порядок, в результате чего разнообразные «кочующие бандиты» начинают использовать слабость государства в своих целях. Наиболее яркими современными примерами этого являются Сомали и Афганистан.

Коррупция существует во всех странах, однако ее уровень зависит от институциональной структуры и социальных условий. Дж. Робинсон (Robinson, 2001) выделил следующие факторы, способствующие «хищническому поведению»: 1) нестабильность, определяемая степенью легитимности режима и уровнем политической мобилизации социальных групп; 2) богатство природными ресурсами; 3) низкий уровень человеческого капитала населения; 4) выгодность пребывания у власти.

В большинстве исследований влияние нестабильности на коррупцию определяется через сокращение временного горизонта правящей элиты и бюрократии. Например, согласно А. Пшеворски (Przeworski et al., 2000), чем выше вероятность того, что правитель потеряет власть, тем более он

постарается извлечь из нее прибыль. И наоборот, когда вероятность сохранения власти достаточно высока, правитель может позаботиться об экономическом благополучии граждан, которое еще больше усилит его позиции. Однако не все так просто. Дж. Робинсон показал, что связь более сложная и что в условиях очень далекого временного горизонта у правителей также возникают стимулы к «хищническому поведению» (Robinson, 2001).

Таким образом, для политического развития ключевую роль играет институциональный выбор и стратегия элитных групп. Как показал Б. Буэно де Мескита с соавторами (Bueno de Mesquita et al., 2003), стратегии политического выживания для правящих элит ограничены двумя основными сценариями — стимулированием экономического роста посредством эффективного управления и поиском поддержки «ближнего круга», обеспечивающего устойчивость власти. Р. Уинтроб (Wintrobe, 1998), изучавший политическую логику диктатуры, выделил две другие стратегии, направленные на удержание власти, — репрессии или обеспечение лояльности. Вторая стратегия соотносится с теорией «революционного ограничения», разработанной Д. Асемоглу и Дж. Робинсоном (Acemoglu, Robinson, 2006). Согласно этой теории, поведение правителя всегда ограничено страхом революции. Таким образом, перед диктатором всегда встает дилемма, поскольку он не знает уровня поддержки режима и вероятности свержения посредством революции.

В соответствии с представленными выше теориями, диктатору или правящей элите необходимо найти механизм снижения неопределенности и обеспечить лояльность наиболее значимых в политическом отношении групп. Наиболее важный аргумент данной работы состоит в том, что коррупция во многих «слабых» государствах служит именно этой цели. В условиях высокого уровня политической нестабильности или даже анархии коррупция является адаптационным механизмом, а также используется элитами и бюрократией как средство компенсации за высокий риск. В условиях высокого уровня политической стабильности коррупция, помимо задач сокращения трансакционных издержек внутри правящей группы и награждения сторонников, служит целям контроля над бюрократией и бизнесом и обеспечения лояльности значимых в политическом отношении групп.

Контроль над бюрократией и бизнесом достигается посредством использования коррупции как «механизма заложников». Все, кто вовлекаются в коррупционный рынок, получают определенную прибыль, но оказываются зависимыми от действий карательных органов. Таким образом, коррупция предстает как основа для политики «кнута и пряника». «Кнут» может быть применен ко всем, кто решится выступить против режима, и примеры многочисленных избирательных антикоррупционных дел против оппозиционеров лучшее тому подтверждение. Однако выгода от участия в коррупции создает для всех «пряник».

Наиболее яркой иллюстрацией применения данной стратегии является современный Китай. В Китае удивительным образом сосуществуют массовая коррупция и смертная казнь за нее. Таким образом, все бюрократы и бизнесмены оказываются под контролем у властей. Более того, правительство Китая регулярно проводит показательные громкие антикоррупционные кампании, служащие, кроме всего прочего, сигналами для бюрократии и бизнеса. В России для поддержания лояльности и обеспечения контроля над бюрократией и значимыми политическими акторами используется компромат, выполняющий ту же функцию ограничения политической мобилизации.

В русле данной логики коррупция может быть представлена как эндогенный по отношению к политической структуре институт, необходимый для поддержания равновесия между различными элитными группами. Коррупция позволяет, с одной стороны, извлекать дополнительную прибыль из нахождения у власти, а с другой – покупать лояльность социальных групп.

Логическим завершением стратегии правящей элиты на использование коррупции в политических целях являются клептократии. Несмотря на тотальную коррумпированность и неэффективность, такие режимы могут существовать очень долго, поскольку, как показало исследование Асемоглу с коллегами (Acemoglu et al., 2004), **коррупция усиливает проблему коллективного действия** среди оппозиции и позволяет власти реализовать стратегию «разделяй и властвуй».

Анализ теоретических моделей приводит к заключению, что коррупция не всегда сопряжена с политической нестабильностью. Коррупция может воспроизводиться и использоваться для поддержания власти в очень стабильных режимах. Из стратегии правящих групп коррупция может превращаться в самоподдерживающийся политический институт. Решающую роль в этом процессе играют целевая функция элит на максимизацию собственной полезности и стремление правящей группы контролировать бюрократию и возможных оппонентов. Асимметрия информации в политическом процессе усиливает уровень неопределенности, который, в свою очередь, ведет к более жесткому следованию акторами своих стратегий.

«Правила игры» в «слабом» государстве

Для объяснения соотношения коррупции и политической стабильности большим потенциалом обладает теоретико-игровой подход. Моделируя политический процесс, я допускаю несколько предположений, которые можно рассматривать как «правила игры» в слабых государствах. Во-первых, нахождение у власти обладает наибольшей ценностью. Во-вторых, власти противостоит оппозиция, состоящая из некоторого континуума граждан. Предполагается, что для удержания власти правительство должно создать

«выигрывающую коалицию» — обеспечить необходимую и достаточную поддержку (не обязательно большинство). В-третьих, коррупция выгодна тем, кто в ней участвует, и обременительна для остальных. Восстание против власти в принципе обременительно для общества. Наконец, у правительства есть два возможных варианта действий по отношению к оппозиции — подкупить и подавить, а также два варианта проведения государственной политики — либо установить коррупционный рынок, либо проводить государственный курс в интересах большинства, стимулируя экономический рост.

Ниже представлена элементарная модель взаимодействия власти и оппозиции, описывающая политический процесс в «слабых» государствах.

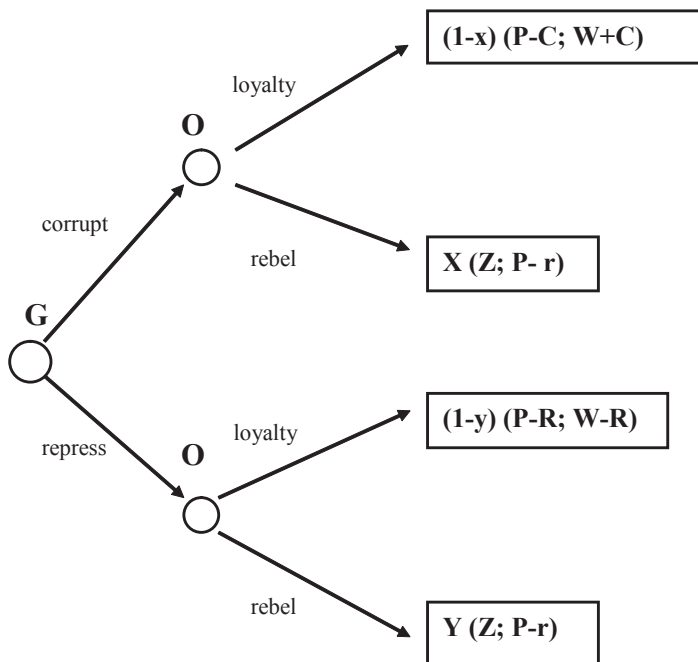
В игру вступают два игрока — правительство **G** и оппозиция **O**. Правительство имеет политическую власть, ценность которой равна **P**. Оппозиция имеет некоторый средний уровень политического капитала **W**.

Правительство делает ход и выбирает стратегию по отношению к оппозиции — либо подавить ее, либо подкупить, включив в коррупционную сеть. Если правительство выбирает коррупцию, оно должно поделиться некоторым уровнем дохода с оппозицией. Если правительство выбирает репрессии, оно теряет выигрыш **R** из-за необходимости поддерживать репрессивный аппарат. В свою очередь, оппозиция выигрывает **C** от коррупционной стратегии и проигрывает **R** при репрессиях. Предполагается что **R** больше **C**. Параллельно с выбором, которое делает правительство, оппозиция выбирает между восстанием и лояльностью. Ходы совершаются одновременно, так как в слабых государствах отсутствуют каналы политической коммуникации и возникает информационная асимметрия. Успешное восстание и свержение правительства принесет оппозиции политическую власть, при этом потери от самого восстания составят **r**. Свергнутое правительство становится банкротом — **Z** (как в казино, но $Z > 0$). Вероятность свержения коррумпированного правительства равна **x**, вероятность свержения жесткого правительства, проводящего репрессии, равна **y**. Предполагается, что $x > y$, поскольку издержки восстания в первом случае значительно ниже, а мобилизация против коррумпированного правительства легче. Игра в развернутой форме представлена на рис. 1.

В случае если бы ходы делались последовательно, а игры были повторяющимися, игроки, скорее всего, пришли бы к равновесию, при котором правительство поддерживало стабильность, покупая оппозицию. Однако асимметрия информации приводит к тому, что выбор игроков зависит от соотношения чистых стратегий друг друга.

Степень асимметрии может варьироваться и является производной от уровня подотчетности правительства, свободы СМИ и демократичности системы в целом.

Выигрыши обоих игроков представлены в табл. 1.

Рис. 1. Правительство и оппозиция.

Таблица 1. Выигрыши игроков

		Оппозиция	
		Лояльность	Восстание
Правительство	Коррупция	$(1-x) (P-C; W+C)$	$x (Z; P-r)$
	Репрессии	$(1-y) (P-R; W-R)$	$y (Z; P-r)$

Выбор правительства зависит от соотношения между выигрышами от коррупции $(1-x) (P-C) + x (Z)$ и выигрышами от репрессий $(1-y) (P-R) + y (Z)$. Безусловно, все зависит от соотношения вероятностей. Несмотря на то, что вероятность свержения правительства при выборе коррупции выше, чем при репрессиях, правительство скорее будет склонно выбирать первый вариант, поскольку поддержание репрессивного режима сопряжено с большими издержками: $R > C$ и $R/C > x/y$.

Выбор оппозиции определяется соотношением выигрышей и издержек от восстания $x(P-r) + y(P-r)$ и поддержания лояльности $(1-x)(W+C) + (1-y)(W-R)$. Критическую роль вновь играют значения вероятностей, однако здесь выбор определяется значением параметров и величиной оппозиции. Наиболее важным параметром является количество ресурсов, которое власть может и готова потратить на покупку лояльности. Можно предположить, что более богатые страны, и, прежде всего, страны, богатые природными ресурсами, будут более успешны в обеспечении лояльности оппозиции. Размер оппозиции, являющийся косвенным свидетельством степени ее сплоченности (чем группа меньше, тем она сплоченнее), может быть обусловлен размером страны, степенью политической децентрализации, степенью экономической свободы и уровнем государственного вмешательства в экономику, этническим, религиозным, лингвистическим разнообразием.

В абстрактной форме игры достаточно трудно определить доминирующие стратегии игроков, однако более вероятно, что равновесие возникнет в ситуации, когда правительство будет коррумпированным, а оппозиция будет восставать или в случае, когда власть будет подкупать оппозицию. Таким образом, стратегии акторов, обусловленные параметрами игры (политического процесса), могут привести как к стабильному, так и к нестабильному коррумпированному режиму.

Несмотря на то, что представленная модель является серьезным упрощением, ее можно использовать для иллюстрации логики связи между коррупцией и динамикой политического процесса. Далее будут представлены результаты эмпирической проверки гипотез, вытекающих из теоретических построений.

Эмпирический анализ

Переменные и база данных

Основным источником данных, используемых в статистических вычислениях, стала база данных, собранная в рамках проекта Всемирного Банка “Governance matters VIII” (Kaufmann et. al., 2009). В анализ были включены показатели за 2008 год.

Коррупция **COR** я измерял с помощью индекса “Control of Corruption”. Индекс является агрегированным и строится на основе индикаторов Всемирного банка и организации Transparency International. Индекс отражает восприятие меры, в которой государственная власть используется в личных целях и охватывает как бюрократическую, так и политическую коррупцию, а также уровень «захвата государства» — действий отдельных лиц, групп и

компаний, направленных на осуществление воздействия на формирование инструментов государственной политики посредством незаконной законодательной и регулятивной деятельности.

Для измерения политической стабильности **STAB** использовался индекс “**Political Stability and Absence of Violence**”, отражающий массовые восприятия вероятности того, что правительство будет свергнуто в результате неконституционных действий, а также показатели проявлений политического насилия, в том числе террористических актов.

Поскольку коррупция и политическая нестабильность являются устойчивыми, воспроизводящимися во времени феноменами и часто рассматриваются в литературе как эндогенные, в анализ включены показатели обеих переменных **ICOR** и **ISTAB** за 1996 год как отражение изначальных условий, которые задают «институциональную инерцию».

Индекс “**Voice and Accountability**” используется для измерения уровня демократии **DEM**. Индекс отражает мнение населения относительно того, насколько граждане государства влияют на выбор своих правителей, а также оценки свободы выражения, свободы ассоциаций, независимости СМИ. Индекс сильно коррелирует с другими показателями, обычно используемыми в целях измерения демократии, такими как индекс политических прав и гражданских свобод **Freedom House** и индексами **Polity IV**.

Показатель Внутреннего Национального дохода на душу населения, представленный в базе данных **World Development Indicators**, используется для выражения уровня экономического развития **GNI**. Из той же базы данных берутся показатели уровня инфляции **INF**, используемого как инструмент для измерения политической нестабильности.

Индекс этнолингвистической фракционализации **EF**, отражающий вероятность случайного выбора двух представителей одного этноса или носителей одного языка среди всего населения, показывает уровень фрагментации общества. Индекс широко используется в эмпирических исследованиях как показатель уровня гомогенности общества. Предполагается, что высокая фрагментация общества негативно влияет на качество государственного управления и на уровень политической стабильности.

Доля протестантского населения **REL** и британское общее право **LAW**, измеренные в рамках исследования Ла Порты и его коллег (*La Porta et. al., 1999*) используются для отражения культурных и легальных норм.

Для отражения влияния такого фактора как богатство природными ресурсами используется бинарная переменная «наличие/отсутствие нефти» **OIL**.

Для фиксации регионального измерения влияния исторических или культурных переменных используется бинарные переменные «Латинская Америка» **LA**, «Африка» **AFR** и Ближний Восток **ME**.

Регрессионный анализ

Данный раздел посвящен статистической проверке основных гипотез исследования. Главная гипотеза состоит в том, что между коррупцией и политической нестабильностью существует дугообразная нелинейная связь. Для ее проверки целесообразно построить диаграмму рассеяния показателей по двум переменным.

На рисунке 2 представлен график распределения показателей уровней коррупции и политической стабильности для 122 «развивающихся» стран за 2008 год. На оси ОУ отложены показатели индекса «контроль коррупции», на оси ОХ – индекса «политическая стабильность».

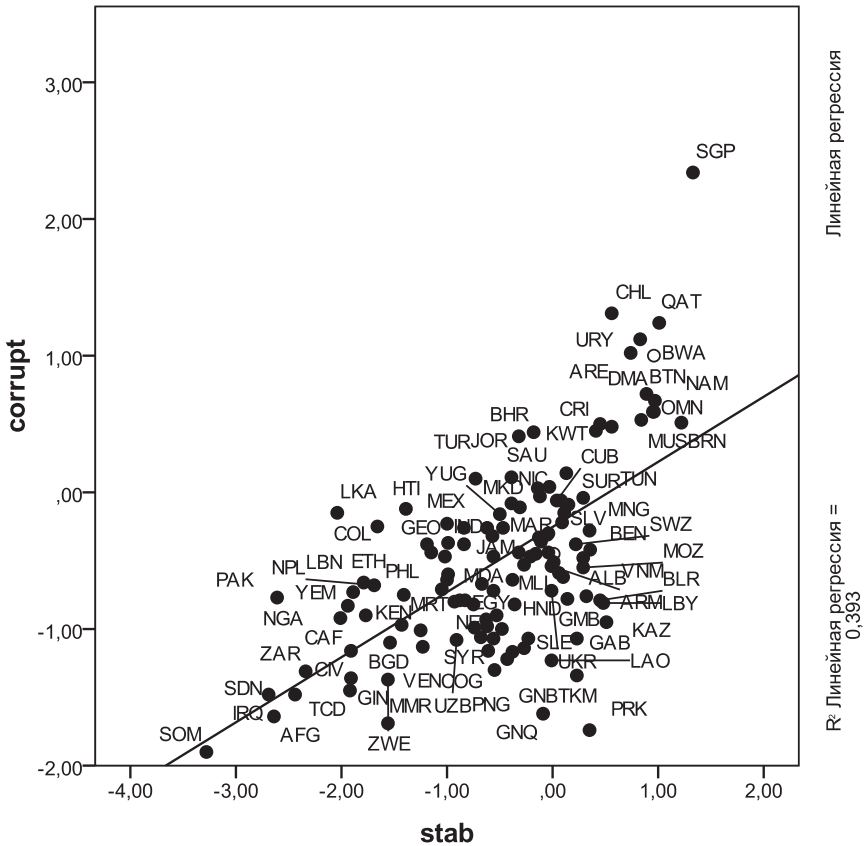

Рис. 2. График распределения показателей уровней коррупции и политической стабильности.

Из распределения показателей видно, что основная гипотеза исследования о нелинейной связи между коррупцией и политической нестабильностью имеет право на существование. Линия регрессии способна объяснить распределение лишь немногим более трети показателей ($R^2 = 0,39$). При этом верхний правый угол, отражающий стабильные некоррупцированные режимы, включает в себя «сильные» в институциональном плане государства, такие как Сингапур и Чили, а также богатые «нефтяные» государства вроде Объединенных Арабских Эмиратов и Бутана, где, в принципе, и не надо воровать, чтобы обеспечить себе безбедную жизнь. Кроме того, некоторые из «удачных случаев», например, Ботсвана, находятся под очевидным влиянием институтов британского правления.

В левом нижнем углу расположились так называемые “failed states” — Сомали, Афганистан, Демократическая Республика Конго, иллюстрирующие теорию о функциональной связи коррупции с политической нестабильностью через сокращение временного горизонта политиков и бюрократов.

Не пустует и правый нижний угол, что доказывает идею о функциональной связи коррупции с политической стабильностью. В группу стран, отражающих такое положение вещей, в 2008 году попали Северная Корея, Экваториальная Гвинея, Габон, Туркменистан, Казахстан и другие.

Далее, для изучения каузальной связи между коррупцией и политической стабильностью, задаются два альтернативных уравнения регрессии, в которые включаются факторы, оказавшиеся значимыми в результате корреляционного анализа. Для решения проблемы эндогенности, то есть взаимной обусловленности, используются инструментальные переменные — то есть переменные, влияющие на один показатель каузальной цепочки и не влияющие на другой. Инструментальной переменной для политической стабильности будут выступать инфляция INF, а для коррупции переменная LAW — «общее право», отражающая нормативный детерминант коррупции.

Регрессионная модель 1. Коррупция = Изначальный уровень коррупции + Стабильность (Инфляция) + Доход на душу населения + Демократия + Этнолингвистическая фракционализация + Африка

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 2.

Регрессионная модель 2. Политическая стабильность = Изначальный уровень стабильности + Коррупция (Общее право) + доход на душу населения + Этнолингвистическая фракционализация

Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 3.

Таблица 2. Регрессионный анализ факторов коррупции

Независимые переменные (значимость коэффициентов)	Коррупция		
	1	2	3
ICOR	0,342 (0,00)	0,358 (0,00)	
STAB	0,187 (0,05)	-0,076 (0,2)	0,302 (0,00)
GNI	0,373 (0,00)	0,448 (0,00)	0,428 (0,00)
DEM	0,314 (0,00)	0,338 (0,00)	0,372 (0,00)
EF	0,026 (0,67)	-0,035 (0,57)	-0,057 (0,38)
AFR	-0,012 (0,84)	-0,157 (0,87)	0,02 (0,76)
<i>R square</i>	<i>0,7</i>	<i>0,69</i>	<i>0,6</i>
Количество наблюдений	122	122	122

Таблица 3. Регрессионный анализ факторов политической стабильности

Независимые переменные (значимость коэффициентов)	Стабильность		
	1	2	3
ISTAB	0,396 (0,00)	0,463 (0,00)	
COR	0,271 (0,014)	-0,08 (0,912)	0,486 (0,00)
GNI	0,143 (0,113)	0,277 (0,00)	0,113 (0,24)
DEM	0,066 (0,423)	0,173 (0,021)	0,066 (0,463)
EF	-0,092 (0,197)	-0,108 (0,144)	-0,131 (0,087)
<i>R square</i>	<i>0,47</i>	<i>0,44</i>	<i>0,384</i>
Количество наблюдений	122	122	122

В регрессиях оценивались разные комбинации факторов коррупции и политической нестабильности для того, чтобы определить удельный вес каждого. В спецификации 1 определялись **Beta-коэффициенты всех факто-**

ров, включенных в уравнение регрессии, в спецификации 2 главная объяснительная переменная заменялась инструментальной, наконец, в спецификации 3 из модели исключался показатель изначальный зависимой переменной.

Интерпретация результатов

Все регрессии показывают, что очень существенными факторами коррупции и политической нестабильности являются изначальные уровни по данным переменным. Это подтверждает идею о том, что коррупции и политическая нестабильность устойчивы с течением времени. Несмотря на это, спецификации моделей, заключающиеся в удалении переменных, фиксирующих изначальный уровень, показывают, что коррупция и политическая нестабильность могут быть объяснены экзогенными факторами.

Во всех спецификациях объяснительная сила моделей (**R square**), измеряющих факторы коррупции выше, чем у моделей, направленные на выявление причин политической нестабильности. Однако, значимость переменной «коррупция» для объяснения политической стабильности выше, чем у переменной «стабильность» для объяснения уровня коррупции. Статистически незначимые коэффициенты инструментальных переменных побуждают к поиску новых. Так инструментом для объяснения коррупции может стать один из факторов подотчетности правительства, поскольку переменная «демократия», незначимая до этого, в спецификации с инструментальной переменной серьезно увеличила свой коэффициент. Такой результат можно проинтерпретировать как влияние асимметрии информации на политический процесс, что подтверждает представленную теорию.

Показатели переменной доход на душу населения доказывают идею о том, что более богатые страны более успешны в обеспечении контроля над политиками, институциональном развитии, ограничении дисфункций бюрократии и поддержании политического порядка. Это подтверждает гипотезу о значимости ресурсов для поддержания стабильности, также вытекающую из теоретической части. Этнолингвистическая фракционализация проявила себя лишь в одной из спецификаций модели стабильности, однако такой результат, безусловно, не позволяет делать выводы по поводу значения размера оппозиции, поскольку не охватывает всех политических расколов.

В целом, эмпирический анализ доказывает, что коррупция является важным политическим феноменом: во-первых, уровень коррупции во многом обусловлен влиянием политических факторов, во-вторых, коррупции оказывает значительное влияние на уровень политической стабильности. Статистика показывает, что уровень коррупции повышается вместе с ростом политической нестабильности. На теоретическом уровне это можно объ-

яснить снижением легитимности власти в глазах населения и повышением ценности обладания государственной должностью для тех, кто не включен коррупционные сети.

Что скрывается за цифрами статистики?

Несмотря на то, что результаты эмпирического анализа скорее подтверждают конвенциональный взгляд на функциональную зависимость коррупции и политической стабильности, ошибки измерения и большое число отклоняющихся случаев, в которые входят такие интересные страны, как Северная Корея и Туркменистан, позволяют говорить о том, что исследовательская проблема является неразрешенной и требует дальнейшей разработки. Однако приходится признать, что на исследовательском пути существуют серьезные «барьеры». Во-первых, все индексы коррупции являются в очень значительной мере искаженными из-за того, что строятся на субъективных оценках. Во-вторых, представленная теоретическая модель направлена на объяснение динамики политического процесса в модернизирующихся странах, то есть в период с 1960-х по 1980-1990 годы, данные по которым собрать очень трудно. Теория, как показывает график распределения ключевых показателей, работает и для 2008 года, однако ее объяснительный потенциал для относительно спокойного «нашего времени» ограничен. Эти «барьеры» позволят преодолеть исследование отдельных случаев, иллюстрирующих жизнеспособность теории неэффективных институтов.

Наглядным случаем, отражающим теорию, является СССР и его правопреемница Российская Федерация. Согласно А. Шлейферу и Р. Вишни (Shleifer, Vishni, 1993), в Советском Союзе существовала монополистическая коррупционная структура – то есть все коррупционные потоки, бывшие весьма значительными из-за жесткости плановой системы, контролировались партией и КГБ. Политическая система была очень стабильной и при этом в большой степени коррумпированной, особенно в последние годы. Брежневский «застой» привел к результатам, отражением которых стало знаменитое «хлопковое дело» - расследование коррупционных преступлений в Узбекской ССР, по которому было возбуждено 800 уголовных дел и осуждено на различные сроки лишения свободы свыше 4 тыс. человек, обвиняемых в приписках, взятках и хищениях. Перестройка, развал Советского Союза и проведение экономических реформ привели к высвобождению огромного объема ренты, что вкупе со слабостью государства привело к становлению системы конкурирующих коррупционных сетей. Уровень политической стабильности при этом был крайне низким, что и не удивительно, если учитывать, что этот период был по сути революционным. Положение правящей группы при Борисе Ельцине было крайне неустойчивым,

и как следствие, коррупция стала основой экономических и политических отношений. В период президентства Владимира Путина были обеспечены консолидация ресурсов государства и установление политической монополии, что привело к пониманию стабильности как основной политической ценности, резкому сокращению неопределенности политического процесса и, как ни парадоксально, к росту коррупции. Если посмотреть на рейтинги Transparency International и доклады фонда ИНДЕМ, можно заключить, что уровень коррупции за годы правления Путина значительно вырос. При этом коррупция, как показывают слова К. Рогова, приведенные во введении, широко используется в политических целях.

Теория неэффективных институтов позволяет также объяснить уровни коррупции в стабильной Мексике в течение семидесятилетнего периода безраздельного правления партии PRI и Таиланде, где на протяжении всего XX века постоянно случались перевороты. В первом случае коррупция использовалась для кооптации и обеспечения лояльности значимых политических игроков – региональных лидеров, армии, профсоюзов, во втором была неизбежным следствием короткого временного горизонта политиков и бюрократов. Очень интересным для дальнейшего исследования представляется случай Китая – стабильный режим, высокий уровень коррупции и смертная казнь за нее. Многочисленные примеры использования коррупции в борьбе за власть, и, прежде всего, за ее удержание, можно найти также в государствах Центральной Азии (случай Бакиева далеко не единственный), Индонезии, Тайване, Корее, а также в большинстве африканских стран.

Заключение

В заключение я хотел бы попробовать подняться по «лестнице абстракции» и соотнести результаты своего исследования с «большой» теорией. Я полагаю, что логика политического процесса, связывающая коррупцию с политической стабильностью, вписывается в общую концептуальную рамку интерпретации истории развития обществ, разработанную Д. Нортон, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгастом (North, Wallis and Weingast, 2009).² Норт и его соавторы, объясняя связь между экономическим и политическим развитием, доказывают, что в большинстве государств политическая элита использует экономику для создания ренты, с помощью которой обеспечивается ограничение насилия, то есть политическая стабильность и «политическое выживание» правящей элиты. Для описания такого порядка исследователи

---

² Подробнее см.: Заостровцев, 2010: 36–46.

предложили категорию «естественного государства», тот есть государства, основанного на личном обмене, раздаче привилегий конкретным группам. Безусловно, коррупция является лишь частным случаем такой ренты, однако случаем очень наглядным.

Главным выводом исследования является то, что коррупция может использоваться правящей группой не только для личного обогащения, но и для обеспечения контроля над бюрократией и лояльности значимых в политическом отношении групп. В результате, из стратегии правящих групп на максимизацию личной прибыли и удержание власти, коррупция превращается в самоподдерживающийся политический институт, то есть становится «правилом игры», ни одному из участников которой не выгодно что-либо менять. Понимание коррупции как политического института, таким образом, позволяет понять устойчивость феномена, а также его неоднозначную связь со стабильностью политического режима.

Литература

Заостровцев А. (2010), *Новая институциональная экономика о развитии и стагнации*, СПб.: Европейский Университет в Санкт-Петербурге, Центр Исследовательской модернизации, препринт М- 12/10.

Лазарев Е.А. (2010), Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций, *Политические исследования*, № 2.

Acemoglu D. (2003), Why not a political Coase theorem? Social conflict, commitment, and politics, *Journal of Comparative Economics*, 31.

Acemoglu D., Robinson J. (2006), *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*, London UK: Cambridge University Press.

Acemoglu D., Robinson J., Verdier T. (2004), Kleptocracy and Divide-and-Rule, *Journal of the European Economic Association*, vol. 2, N 2–3.

Akerlof G. (1970), The Market for “Lemons”: Quality Uncertainty and the Market Mechanism, *Quarterly Journal of Economics*.

Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R., Morrow J. (2003), *The Logic of Political Survival*, Cambridge, MA: MIT Press.

Downs A. (1957), *An Economic Theory of Democracy*, New York: Harper and Row.

Egorov G., Guriev S., Sonin K. (2009), Why Resource-Poor Dictators Allow Freer Media: A Theory and Evidence from Panel Data, *American Political Science Review*, vol. 103, N 4.

Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D. (2000), Seize the State, Seize the Day: Governance and State Capture in Transition Economies, *World Bank Policy research Working Paper*, N 2444.

Huntington S. (1968), *Political Order in Changing Societies*, New Haven: Yale University Press.

Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. (2009), Governance Matters VIII: Aggregate and Individual Governance Indicators, 1996–2008, *World Bank Policy Research Working Paper*, N 4978.

Klitgaard R. (1988), *Controlling corruption*, Berkeley, CA: University of California Press.

Knack S., Keefer P. (1995), Institutions and Economic Performance: Cross-Country Tests Using Alternative Institutional Measures, *Economic and Politics*, vol. 7.

La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. (1999), The Quality of Government, *Journal of Law, Economics and Organization*, vol. 15, N 1.

Mauro P. (1995), Corruption and Growth, *The Quarterly Journal of Economics*.

Mauro P. (2004), The Persistence of Corruption and Slow Economic Growth, *IMF staff papers*.

Myrdal G. (1968), *Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations*, New York: Pantheon.

North D. (1981), *Growth and Structural Change*, New York: W.W. Norton.

North D., Wallis J., Weingast B. (2009), *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Olson M. (1982), *The Rise and Decline of Nations Economic Growth Stagflation, and Social Rigidities*, New Haven: Yale University Press.

Olson M. (1993), Democracy, Dictatorship and Development, *American Political Science Review*, vol. 87, N 3.

Olson M. (2000), *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorship*, New York: Basic Books.

Persson T., Tabellini G. (2000), *Political Economics: Explaining Economic Policy*, Cambridge, MA: MIT Press.

Przeworski A. (1991), *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*, New York: Cambridge University Press.

Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. (2000), *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*, New York: Cambridge University Press.

Putnam R. (1993), *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

Robinson J.A. (2001), *When is a State Predatory?* Harvard University Mimeo.

Rose-Ackerman S. (1978), *Corruption: A Study in Political Economy*, New York: Academic Press.

Shleifer A., Vishny R.W. (1993), Corruption, *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 107, N 3 (August).

Shmitter P., O'Donnell G. (1986), *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*, Johns Hopkins University Press.

Tanzi V. (2002), Corruption around the world: causes, consequences, scope and cures, *Government, corruption and economic performance*, Abed G., Gupta S. (eds.), Washington D.C.: International Monetary Fund.

Treisman D. (2000), The Causes of Corruption: A Cross-National Study, *Journal of Public Economics*, vol. 76, N 3 (June).

Wintrobe R. (1998), *The Political Economy of Dictatorship*, Cambridge UK: Cambridge University Press.

Егор Лазарев

Коррупция и политическая нестабильность:
институциональная перспектива

Препринт М-16/10

В авторской редакции

Корректор — Е.И. Васьковская

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 20.05.10
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

Центр исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге

Центр создан в августе 2008 года в целях развития междисциплинарных сравнительных социальных, экономических и политических исследований. Задачами М-Центра являются реализация научно-исследовательских программ и проектов по направлениям его работы, создание и поддержание интенсивной и эффективной коммуникативной научной среды, содействие подготовке и повышению квалификации молодых ученых, подготовка и распространение научно-исследовательских и экспертных публикаций, ориентированных на научное сообщество и на широкую общественность.

В составе М-Центра работают специалисты,
участвовавшие в подготовке коллективных монографий:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О., ред. **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред. **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Президент М-Центра — кандидат экономических наук **О.Л. Маргания**
Научный руководитель М-Центра — кандидат экономических наук **Д.Я. Травин**
Исполнительный директор М-Центра — кандидат политических наук **В.Я. Гельман**